

ПЕТР ЕРШОВ

КОНЕК

ГОРБУНОК

ДЕТГИЗ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕТР ЕРШОВ

КОНЕК-ГОРБУНОК

РУССКАЯ СКАЗКА
В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Рисунки Ю. Васнецова

Наркомпрос РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1941 — Ленинград

ДПА-1
едкр 862ДПА-1
у.хр. 730

Для начальной школы

Писатель Петр Павлович Ершов родился в 1815 г., умер в 1869 г. Сказку „Конек-Горбунок“ он написал на основе народных сказок. Первое издание „Конек-Горбунок“ вышло в 1834 г., и с этого времени, уже свыше ста лет, „Конек-Горбунок“ неоднократно переиздается как одна из любимых книг детского чтения.

Текст настоящего издания печатается по полному изданию без цензурных пропусков (СПб., 1856 г., 4-е издание), с проверкой по последующим прижизненным изданиям, произведенной М. К. Аздовским.

Централизованная библиотечная
система
Московского района
Санкт-Петербурга

ЦБС Московского района
г. Санкт-Петербурга
Музей
"Книги блокада"
пр. Ю. Гагарина

121287

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

„Начинается сказка сказываться“.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали

И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать.
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит,
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
„Эй, вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног“.

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
„Всю я ноченьку не спал;
На мсе ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно“.
Похвалил его отец:
„Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом“.

Стало сызнава смеркаться;
Средний брат пошел собирать,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!

Но вот утро. Он к крыльцу.
„Эй, вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,
До животиков промерз“.
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
„Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердецв меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, все благополучно“.
И ему сказал отец:
„Ты, Гаврило, молодец!“

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
„Распрекрасные вы, очи!“
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:

Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: „Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов“.

Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом:
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
„Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!“
И, минуто улуча,

К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьется кру́гом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
„Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри,
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька

И садится на хребёт —
Только задом наперёд.

Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле“.

„Ладно“, думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
„Ходил молодец на Пресню“.

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,

Заикаясь, вскричали:

„Кто стучится сильно так?“

„Это я, Иван-дурак!“

Братья двери отворили,

Дурака в избу впустили

И давай его ругать,

Как он смел их так пугать!

А Иван наш, не снимая

Ни лаптей ни малахая,

Отправляется на печь

И ведет оттуда речь

Про ночное похождение,

Всем ушам на удивленье:

„Всю я ноченьку не спал,

Звезды на небе считал;

Месяц, ровно, тоже светил, —

Я порядком не заметил.

Вдруг приходит дьявол сам,

С бородою и с усам;

Рожа словно как у кошки,

А глаза-то что те плоски!

Вот и стал тот чорт скакать

И зерно хвостом сбивать.

Я шутить ведь не умею

И вскочи ему на шею.

Уж таскал же он, таскал,

Чуть башки мне не сломал,

Но и я ведь сам не промах,

Слышь, держал его как в жомах.

Бился, бился мой хитрец

И взмолился наконец:

„Не губи меня со света!

Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить".
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил".
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни сердчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться,
Хоть смеяться, так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька

Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
„Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!“ —
Говорит себе Данило.
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
„Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал“.
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.

„Где он это их достал? —
Старший среднему сказал. —
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!“
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем;
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями

Немцы в город за холстами,
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё попрежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоеет тут Иван,
Опершись о балаган:
„Ой, вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чорт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету

Провалиться на мосту!
Ой, вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!“

Тут конек ему заржал.
„Не тужи, Иван, — сказал. —
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Ты на чорта не клепли:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в чокое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу“.

Тут конек пред ним ложится.
На конька Иван садится,
Уши в заgreби берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, всрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

*И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.*

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись;
А Иван им стал кричать:
„Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал“.
Старший, корчась, тут сказал:
„Дорогой наш брат, Иваша,
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
До оброков ли нам тут?
А исправники дерут.
Вот с такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик не может,
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!“

„Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня“.
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
„Эх, как тёмно! — он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...”

Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива ни кремня“.
Сам же думает Данило:
„Чтоб тебя там задавило!“
А Гаврило говорит:
„Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали —
Поминай его, как звали!“

Всё пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьет в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
„Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!“

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
„Что, — сказал он, — за шайтан!

Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонек!“

Говорит ему конек:
„Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою“.
„Говори ты! Как не так!“
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
„Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час.
Нет ведь, чорт возьми, угас!“
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали:
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий въезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
„Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы нико́й урод
Не обманывал народ!“
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
„Эй, честные господа,
К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!“
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;

Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу,
Нет ни выхода ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
„Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!“
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
„Чуден, — молвил, — божий свет,
Уж каких чудес в нем нет!“
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.

Городничий, между тем,
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
„Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает. —
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!“
Царь изволил молвить: „Ладно,
Говори, да только складно“.
„Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...“ — „Знаю, знаю!“
„Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу ни входу.
Что тут делать?... Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и случилось, царь-надёжа!
И поехал я — и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,

Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты“.

Царь не мог тут усидеть.
„Надо ко́ней поглядеть, —
Говорит он. — Да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!“ — И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царем стрельцов отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И „ура“ царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: „Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?“ — Тут Иван,

Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
„Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я“.
„Ну, я пару покупаю!
Продаешь ты?“ — „Нет, меняю“.
„Что в промен берешь добра?“
„Два-пять шапок серебра“.
„То есть, это будет десять“.
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как насмех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: „Ну, брат,
Пара нашим не дается:
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,

Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен? — „Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то, я был таков!“

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его горбатко
Так и ломится в присядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В пояски их позашили,
Постучали ендовой

И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской,
При конюшне государственной;
Как в суседки он попал,
Как перо свое проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послом,
Как он в солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

„Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается“.

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего коурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.

Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне,
И на острове Буяне,
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдет.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшной надо всей,
Из боярских слыл детей;

Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,—
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: „Постой-ка,
Я те двину, неумойка!“

Так, неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит
И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шелк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и рождается,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
„Что за притча тут такая? —
Спальник думает, вздыхая: —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить,

Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божью не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест“.

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам все в дырочку глядит,
Ждет суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,

Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник в полуглаз
На творца ночных проказ.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный;
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, —
Ну, точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового...
„Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец. —
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!“
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетет
Гривы в косы да поет;
А убрав их, в оба чана

Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярого пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лег
У коней близ задних ног.

Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватъ перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
„Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить“.
„Говори, не прибавляя, —
Царь сказал ему зевая. —
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать“.
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: „Помилуй!
Вот те истинный Христос,

Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...“

„Жароптицево?... Проклятый!
И он смел такой богатый...

Погоди же ты, злодей!

Не минуешь ты плетей!...“

„Да и то ль еще он знает! —

Спальник тихо продолжает,

Изогнувшись. — Добро!

Пусть имел бы он перо;

Да и самую Жар-птицу

Во твою, отец, светлицу,

Если б вздумал приказать,

Похваляется достать“.

И доносчик с этим словом,

Скрючась обручем таловым,

Ко кровати подошел,

Подав клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,

Гладил бороду, смеялся

И скусил пера конец.

Тут, уклад его в ларец,

Закричал (от нетерпенья),

Подтвердив свое веленье

Быстрым взмахом кулака:

„Гей! позвать мне дурака!“

И посыльные дворяна

Побежали по Ивану,

Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругоредь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

„Что за челядь тут такая? —
Говорит Иван, вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана“.
Говорят ему дворяна:
„Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать“.

„Царь?... Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся“,
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой с боку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
„А пошто меня будил?“
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: „Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро—
Жароптицево перо?
Что я—царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!“
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: „Постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты—ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки—
Нет пера да и шабалки!..“
„Отвечай же! запорю!..“

„Я те толком говорю:
Нет пера! Да слышь, откуда
Мне достать такое чудо?“
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
„Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?“ Тут Иван
Задрожал, как лист в бурян,
Шапку выронил с испуга.
„Что, приятель, видно, туго?—
Молвил царь.—Постой-ка, брат!...“
„Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану“.
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
„Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю,—
Царь Ивану говорит.—
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся“.
Тут Иван волчком вскочил.

„Я того не говорил!—
Закричал он, утираясь.—
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь“.
Царь, затрясши бородою:
„Что? Рядиться мне с тобою!—
Закричал он.—Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Где-нибудь, хоть под водой,
Посажу тебя я на кол.
Вон, холоп!“ Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
„Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?—
Говорит ему конек,
У его вертяся ног.—
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?“
Пал Иван к коньку на шею,

Обнимал и целовал.
„Ох, беда, конек!—сказал.—
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?“
Говорит ему конек:
„Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван,—беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою.
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
„Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход“.

Вот Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:

„Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход“.
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И „счастливый путь!“ сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана.
„Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!“
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта и пшено
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток—
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
„Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора

Вся из чистого серебра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить".
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
Посреди же той поляны,
Словно облачные станы,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по кособору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
„Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты к другому сядь корыту,

Втихомолку примечай,
Да, смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати ее, смотри же!
А поймашь птицу-жар,
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся“.
„Ну, а если обожгуся?—
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан.—
Рукавички взять придется:
Чай, плутовка больно жгётся“.
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там, как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,—
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
„Тьфу ты, дьявольская сила!

Эк, их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать,—
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то—сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!“
И, скончав такую речь,
Наш Иван, кряхтя с надсады,
Вылез кой-как из засады,
Ко пшenu с вином подполз,—
Хватъ одну из птиц за хвост.
„Ой! конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал“.
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
„Ай, хозяин, отличился!—“
Говорит ему конек.—
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай тужеe;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь“.
„Нет, дай птиц-то мне пугнуть!—“
Говорит Иван.—Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!“
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая,

Ко пшени с вином подполз,—
Хватъ одну из птиц за хвост

Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.
„Что, достал ли ты Жар-птицу?“
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
„Разумеется, достал“,
Наш Иван царю сказал.
„Где ж она?“ — „Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить“.
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол.
„Ну-ка, бабушка, пошел!“
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь двор рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
„Ахти, батюшки, пожар!

Эй, решоточных сзывайте!
Заливайте! Заливайте!“
„Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар,—
Молвил ловчий, мря со смеху.—
Видишь, знатную потеху
Я привез те, осударь!“
Говорит Ивану царь:
„Вот люблю дружка-Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой—
Будь же царский стремянной!“

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
„Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!“

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
„Эх!—один слуга сказал.—
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком.

Да и сказок только пять;
А уж сказки—вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!“
Тут все в голос: „Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!“
„Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...“
„Ну, да брось ее!“—„Постой!...“
„О красотке, что ль, какой?“
„Точно! В пятой говорится
О прекрасной царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?“
„Царь-девицу!—все кричали.—
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей“.
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

„У далеких немецких стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну

Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, месяцу родная,
Да и солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет..."

Спальник тут с полатей скок —
И со всех, что было, ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
„Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!“
„Говори, да правду только
И не ври, смотри, нисколько!“
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:

„Мы севодни в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу,—
Так он назвал царь-девицу,—
И ее, изволишь знать,
Похваляется достать“.
Спальник стукнул об пол снова.
„Гей, позвать мне стремяннова!“
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: „Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, царь-девицу...“
„Что ты, что ты, бог с тобой!—
Начал царский стремянной. —
Чай, с просонков, я толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,

А меня не проведешь".
Царь, затрясши бородою:
„Что, рядиться мне с тобою?—
Закричал он.— Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Где-нибудь, хоть под водой,
Посажу тебя я на кол.
Вон, холоп!" Иван заплакал
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

„Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?—
Говорит ему конек.—
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?"
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох, беда, конек!—сказал.—
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?"
Говорит ему конек:
„Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;

Служба всё, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: „Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор—
Весь заморского варенья—
И сластей для прохлажденья“.

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:
„Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор—
Весь заморского варенья—
И сластей для прохлажденья“.
„Вот давно бы так, чем нет“,
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана;
Молодцом его назвал
И „счастливый путь!“ сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
„Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!“
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор—

Весь заморского варенья—
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приделся,
На коньке своем уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли царь-девицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
„Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам“.
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
„Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром

Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдет,
Пусть покушает, попьет;
Вот, как в гусли заиграет,—
Знай, уж время наступает:
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай
И держи ее сильнее
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем... Да, смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты ее проспшишь,
Так беды не избежишь".
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай диру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслиями в шатёр
И садится за прибор.
„Хм! Так вот та царь-девица!
Как же в сказках говорится,—
Рассуждает стремянной,—
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:

*Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает.*

И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму".
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак;
И под голос тихий, стройной
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
„Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздернут на кол!“
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
„Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану“.
„Ну, уж бог тебя простит!—
Горбунок ему кричит.—
Всё поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывет опять девица

Меду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь“.
Тут конек опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
„Нет, постой же ты, дрянная!—
Говорит Иван, вставая.—
Ты в другой раз не уйдешь
И меня не проведешь“.
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
„Ой, беги, конек, беги!
Горбунок мой, помоги!“
Вмиг конек к нему явился.
„Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи ее плотней!“

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы руки берет,
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
„Бесподобная девица!
Согласися быть царица.
Я тебя едва узрел—
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня—
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая“.

А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
„Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?

Али тем, что полюбил?“
„О, судьба моя плачевна!—
Говорит ему царевна.—
Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна“.
„Гей! Позвать ко мне Ивана!“
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: „Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего“.
„Я и с первой-то дороги
Волочу насили ноги;
Ты опять на окиян!“
Говорит царю Иван.
„Как же, плут, не торопиться,—
Видишь, я хочу жениться!—
Царь со гневом закричал
И ногами застучал.—
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!“
Тут Иван хотел итти.
„Эй, послушай! По пути,—
Говорит ему царица,—
Заезжай ты поклониться

В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!“—„Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,—
Чтоб в родне-то нам не сбиться“.
Говорит ему царица:
„Месяц—мать мне, солнце—брат“.
„Да, смотри, в три дня назад!“
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

„Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?“
Говорит ему конек.
„Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлет на окиян,—
Говорит коньку Иван.—
Дал мне сроку три дня только;

Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, месяцу, притом
И спросать кое об чем...“
Тут конек: „Сказать по дружбе,
Это службишка, не служба:
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А наавтра, утром рано,
Мы поедем к окянну“.

На другой день наш Иван,
Взяв три лукови в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

„Доселева Макар огороды копал,
А нынече Макар в воеводы попал“.

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
„Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;

Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещеный мир!"
Это присказка ведется,
Сказка по́слее начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
„Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула.
Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!"
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

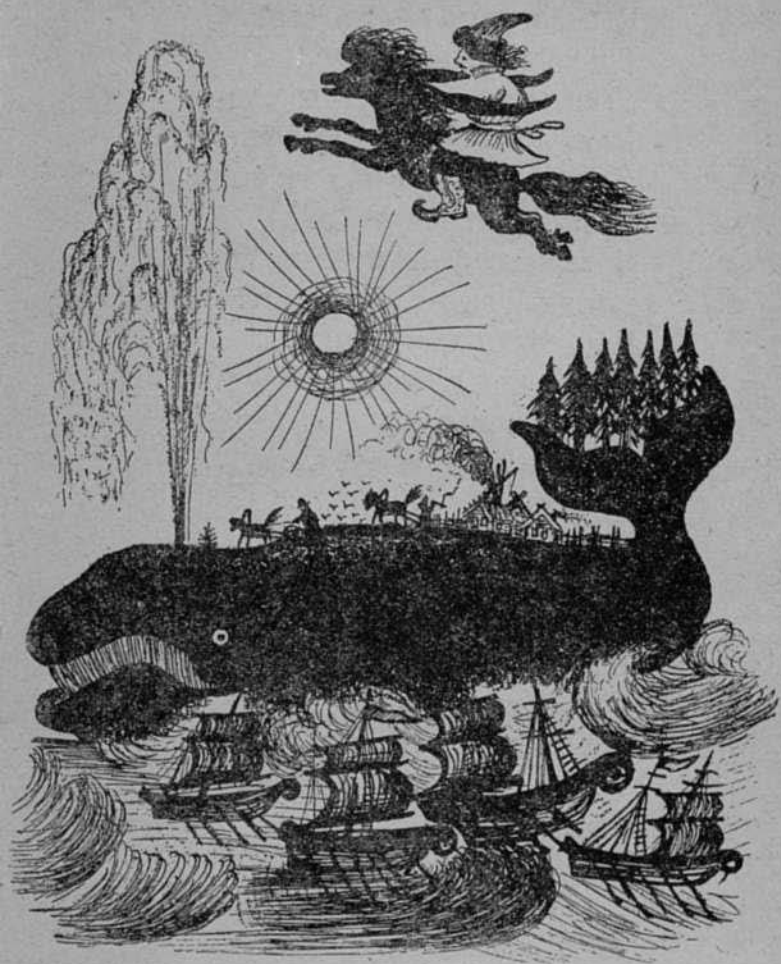
Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конек Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну—
Прямо к морю-окияну;

Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнет тебя просить,
Чтоб ты в солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещай,
Да, смотри ж, не забывай!"

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
„Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?"

Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.

„Мы послы от царь-девицы,
Едем оба из столицы,—
Говорит киту конек,—
К солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые“.

„Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?“

„Ладно, ладно, рыба-кит!“
Наш Иван ему кричит.
„Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..“

Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
„Ладно, ладно, рыба-кит!“
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,
Прыг на берег и пустился,
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого—
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,

Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землею простился
И на небе очутился
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
„Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная столица...
Что-то больно высока!“
Так спросил Иван конька.
„Это терем царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Горбунок ему кричит, —
По ночам здесь солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою“.

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те золотые,
Хитро в змейки завитые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к месяцу идет
И такую речь ведет:
„Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я — Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привёз тебе поклон“.
„Сядь, Иванушка Петрович, —
Молвил Месяц Месяцович, —
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, —
Все скажи мне, не утай“.
„Я с земли пришел землянской,

Из страны ведь христианской, —
Говорит, садясь, Иван, —
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
— Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня,
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный,
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне? —
Так, кажися? — Мастерница
Говорить красно царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она“.
„А какая то царица?“
„Это, знаешь, царь-девица“.
„Царь-девица?... Так она,
Что ль, тобой увезена?“
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: „Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол“.

Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
„Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Ты принес такую весть,
Что не знаю чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Все грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?“
„Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухotka:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так, небось, и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней“.
Месяц вскрикнул: „Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться

На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том—
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!“
Тут Иван опять сказал:
„Есть еще к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрашал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?“
Месяц ясный говорит:
„Он за то несет мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит“

Тут Иванушка поднялся,
С светлым месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.

„Ну, Иванушка Петрович. —
Молвил Месяц Месяцovich, —
Благодарствую тебя
За сына и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
— Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведет тебя к налю. —
Ну, прощай же! Бог с тобою!“
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришел на окян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
„Что, отцы, мое прошение?
Получу ль когда прощенье?“
„Погоди ты, рыба-кит!“
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,

Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
„Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется рыба-кит...“
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: „Быть бедам!“
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
„Чудо-юдо рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,

Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит".
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далекий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причётом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню на подхват:
„Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...“

Волны моря заklubились,
Корабли из глаз сокрылись.

Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
„Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!“
„Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, —
Говорит ему Иван, —
Лучше перстень нам достань —
Перстень, знаешь, царь-девицы,
Нашей будущей царицы“.
„Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной царь-девицы“,
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плесом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетринный весь народ
И такую речь ведет:
„Вы достаньте до зарницы
Перстень красной царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:

Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!"
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

С Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великий! не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло“.
„Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!"
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,

Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переищли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ерш дерется с карасем.
„Смирно! черти б вас побрали!

Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!“
Закричали им гонцы.
„Ну, а вам какое дело?—
Ерш кричит дельфинам смело.—
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!“

„Ох, ты, вечная гуляка
И крикун и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома—нет, ведь не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться,—
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас“.

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собрание
Неподобной разной бранью...“
Долго ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

„Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?“
Кит со гневом закричал.
На колени ерш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
„Ну, уж бог тебя простит!—
Кит державный говорит.—
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье“.
„Рад стараться, чудо-кит!“
На коленях ерш пищит.
„Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?“— „Как не знать!
Можем разом отыскать“.
„Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!“

Тут, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне—
Пуд по крайней мере во сто.
„О, здесь дело-то не просто!“

И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего—
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
„Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!“
Крикнул ерш со всех сердец
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
„Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...“
Осетры к царю плывут,
Ерш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с карасем,
Я не ведаю о том.

Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
„Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан!—
Говорит себе Иван.—
Обещался до зарницы
Вынести перстень царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...“ Тут море закипело;
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
„За твое благодеянье
Я исполнил обещанье“.
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
„Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,

Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!"
Тут кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
„Ай-да Кит-Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, рыба-кит!—
Горбунок-конек кричит.—
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает".
Тут Ванюша отвечает:
„Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал;
Тяжесть страшная такая!"
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.
„Ну, Иван, садись скорее!

Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек“.

Стал четвертый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит—
„Что кольцо мое?“ кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
„Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк;
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит“.
Царь тотчас стрельцов позвал
И не медля приказал
Сундучок отнести в светлицу,
Сам пошел по царь-девицу.
„Перстень твой, душа, найдён,—
Сладкогласно молвил он,—
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстечек?
Он в дворце моем лежит“.
Царь-девица говорит:
„Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться“.
„Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,

Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!“
Говорит ему девица:
„Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку взял!“
Царь со гневом закричал:
„Пусть-ка только засмеются—
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!“
„Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться,—
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?“
Говорит ему девица.
„Я хоть стар, да я удал!—
Царь царице отвечал.—
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться“.
Говорит ему девица:
„А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,

За беззубого такого!“
Царь в затылке почесал
И, нахмураяся, сказал:
„Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!“
„Не пойду я за седова,—
Царь-девица молвит снова.—
Стань, как прежде, молодец,—
Я тотчас же под венец“.
„Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит“.
Царь-девица говорит:
„Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студёной,
А второй—водой варёной,
А последний—молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться,—
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,

А потом еще в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!“

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
„Что, опять на окиян?—
Говорит царю Иван.—
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!“
„Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый, думаю, налить
До краев водой студёной,
А второй—водой варёной,
А последний—молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и в двух водах“.
„Вишь, откуда подъезжает!—
Речь Иван тут начинается.—
Шпарят только поросят
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,

А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Ивана проводить!“
Царь, затрясши бородою:
„Что? рядиться мне с тобою!
Закричал он.—Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,—
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, бóлесть злая!“
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.

„Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?—
Говорит ему конек.—
Чай, наш старый женихов
Снова выкинул затею?“
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох, беда, конек!—сказал.—
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искupаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток“.

Говорит ему конек:

„Вот уж служба, так уж служба!

Тут нужна моя вся дружба.

Как же к слову не сказать:

Лучше б нам пера не брать;

От него-то, от злодея,

Столько бед тебе на шею...

Ну, не плачь же, бог с тобой!

Сладим как-нибудь с бедой.

И скорее сам я сгину,

Чем тебя, Иван, покину.

Слушай: завтра на заре,

В те поры, как на дворе

Ты разденешься, как должно,

Ты скажи царю: „Не можно ль,

Ваша милость, приказать

Горбунка ко мне послать,

Чтоб в последни с ним проститься“.

Царь на это согласится.

Вот как я хвостом махну,

В те котлы мордой макну,

На тебя два раза прысну,

Громким посвистом присвистну,

Ты, смотри же, не зевай:

В молоко сперва ныряй,

Тут в котел с водой варёной,

А оттудова в студёной.

А теперича молись

Да спокойно спать ложись“.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:

„Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исправлять“.
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошел к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
„Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!“
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них—и зачесался.
„Что же ты, Ванюша, стал?—
Царь опять ему вскричал.—

Исполняй-ка, брат, что должно!“
Говорит Иван: „Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я в последни б с ним простился“.
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конек хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

„Эко диво!—все кричали.—
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лizia похорошеть!“

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котел—и там сварился!

Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
„Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!“
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

„Люба, любя! — все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царя Ивана!“

Царь царицу тут берет,
В церковь божью ведет
И с невестой молодою
Он обходит вокруг наложу.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерет:
„Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной царь-девицей!“

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

ОБЛАСТНЫЕ И СТАРИННЫЕ СЛОВА

Ажно—так что; в тексте „Конька-Горбунка“ употреблено в смысле: разве, что ли.

Балаган—шалаш, навес, сарай.

Баласы—пустые разговоры, болтовня.

Басурманин—так в древней Руси называли иноверцев и иноземцев. Позже это слово стало бранным.

Вдругоредь, другоредь—в другой раз, снова.

Вершить—постановить.

Вина—причина.

Ворожей—колдун.

Глазей—тот, кто глазеет, зевака.

Гости—так называли в древней Руси купцов.

Давёж—давка.

Доселева—до сих пор; употребляется также в значении: раньше, прежде.

Дрягнуть—первоначальное значение: дрыгнуть, лягнуть. **Дрягнуть пласовую**—пуститься в пляс, заплясать.

Думный дворянин—младший член царской думы.

Ендова—большой сосуд для вина или пива; **постучали ендовой**—выпили.

Живот—в старинном книжном языке значит „жизнь“, а также „имущество“; в последнем значении—и в сказке Ершова.

Жомы—тиски.

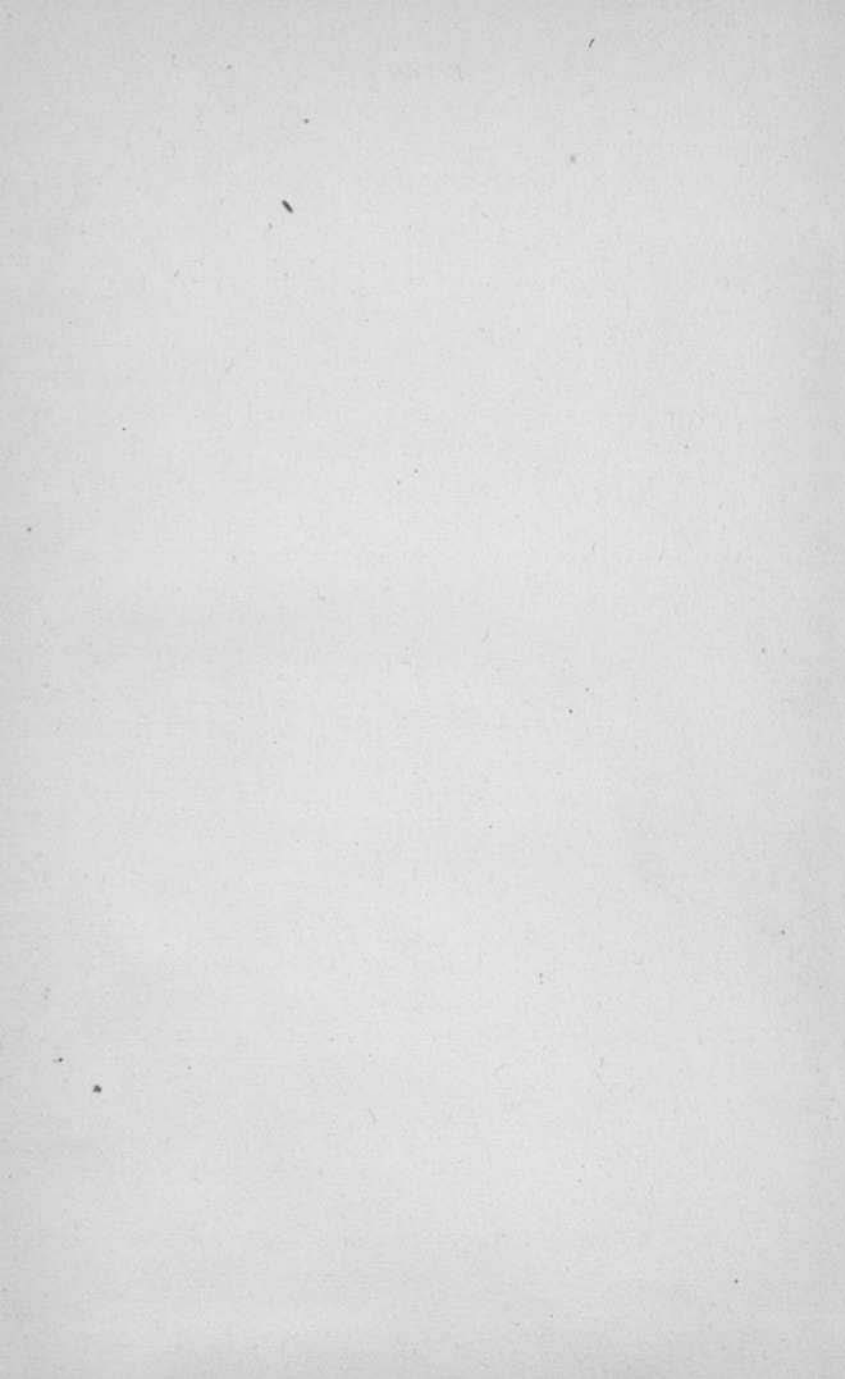
Загребн—горсть, пять пальцев.

Зельно—сильно, весьма.

Зориться, зазориться—светать, рассветать.

- Клепа́ть—клеветать, напрасно обвинять.
- Кто-пе́ть—кто же; частица пе́ть (кто-петь, где-петь)
употребляется в некоторых народных говорах
для усиления вопросительной интонации.
- Льзя ли—можно ли.
- Ловчий—придворный, ведавший царской охотой.
- Ме́шкотно—медлительно, неторопливо.
- Настигу́—настигну, догоню.
- Немо́жет—от глагола „немо́чь“, т. е. болеть.
- Нешто—разве, будто, неужели.
- Никòй—никакой.
- Очью—очами, глазами.
- Полати—помост в избе, устроенный между печью и
стеной.
- Палки—палками наказывали провинившихся холопов.
Отсюда выражение „в палки“.
- Перё́ться—спорить, препираться.
- Переи́мать—переловить, перехватить.
- Пла́стью—пластом.
- Плес (или чаще плеск)—рыбий хвост.
- Поло́нить—взять в плен, поработить, победить.
- После́дни—в последний раз, напоследок.
- Правёж—взыскание долга по приговору суда, сопро-
вождавшееся тяжелым телесным наказанием.
- Прика́з—первоначальное значение слова: „правитель-
ственное управление“; позже приказом стали
называть место наказания.
- Прину́жусь—понадоблюсь.
- Приче́т—церковнослужащие одного прихода (пои, дья-
кон, дьячок и т. д.).
- Прозуме́нты—позументы, украшение на одежде из
золотого или серебряного шнура.
- Проша́ть—просить, упрашивать.
- Ра́жий—видный, крепкий.
- Решетка—тюрьма; решеточные—сторожа при
„решетке“, т. е. при тюрьме; они же исполняли
обязанности пожарных.

- Рѡвно — как будто, словно бы.
- Рядѣться — торговаться, препираться.
- Седьмѣца — неделя, иногда означает „воскресенье“, т. е. седьмой день.
- Сѣречь — то есть, именно.
- Соглядѣть — выглядывать, подсматривать.
- Спальник — придворный, который должен был ночевать в царской спальне.
- Срочное число — срок.
- Сряжѣся — от глагола: срядиться, т. е. снарядиться, собраться (в путь).
- Стрельцы — постоянное войско в Московском государстве XVI — XVIII веков; уничтожено при Петре I.
- Стремяннѣй — придворный, подававший и принимавший коня, на котором ездил царь.
- Сусѣдка — так в Сибири и на Урале называли „домового“ (по суеверному народному представлению, домовый — нечистая сила, обитающая в домах).
- Сусѣк — отгороженное в амбаре место для зернового хлеба или овса.
- Сытѣ — медовый взвар, буквально — сытая (насыщенная) медом вода.
- Талѣн — счастье, удача.
- Тѣловѣй — ивовый.
- Тоѣ — винительный падеж от местоимения „та“.
- Устойтѣся — выстояться, постоять для отдыха.
- Учнѣт — начнет, станет.
- Уходить кого-нибудь — погубить, извести.
- Фряжское вино — заграничное вино.
- Чѣлядь — слуги, прислуга, работники.
- Шабѣлка — шабаш, все кончено.
- Шайтѣн — так в Сибири называют чорта.
- Ширѣнка — полотнище, широкое полотенце.
- Шкѣлить — поучать, муштровывать, держать в строгости.
-

15p

1 р. 50 к.